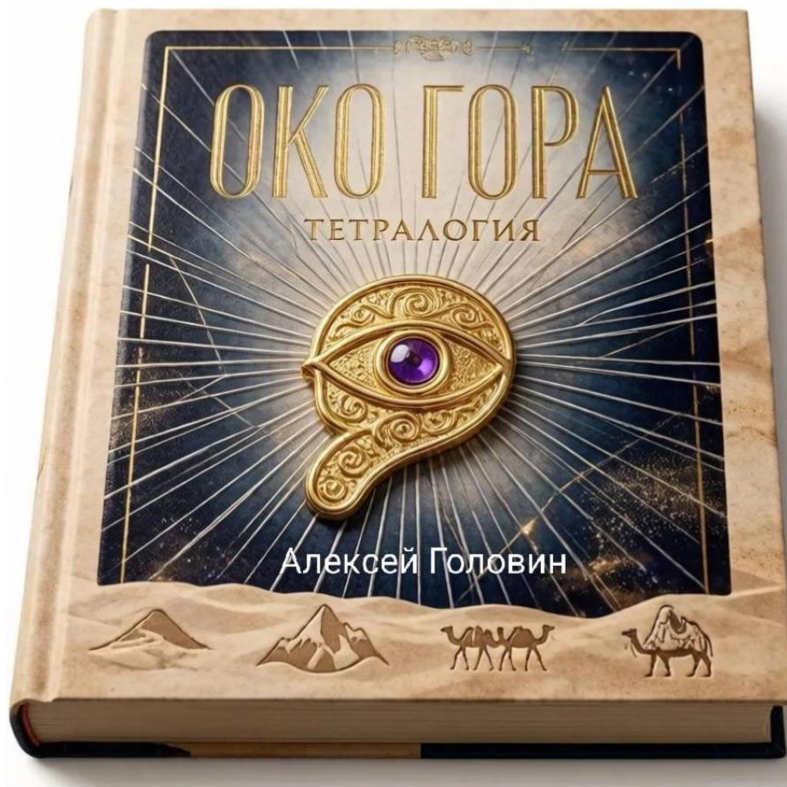

АНРИ ДЮВАЛЬ

Алексей Головин

«Око Гора. Хроники хранителя»

<https://litres.ru/74230658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывший пилот Анри Дюваль списан на землю — врачи запретили летать. Война позади, жизнь пуста. Но письмо от исчезнувшего дяди меняет всё: ключ, карта Сахары с пометкой «Oculus Dei» и билет до Алжира. Дядя искал Око — древний механизм, способный открыть ткань времени. И он нашёл его.

Вместе с Элен, дочерью хранителя тайных знаний, и проводником Тареком Анри летит через пустыню к точке, отмеченной на старых картах. По следу идёт Братство Песочных Часов — те, кто веками мечтает открыть все девять Врат и получить власть над прошлым и будущим. Анри должен успеть первым. Закрывать Око. Любой ценой.

Четыре книги под одной обложкой: Сахара, Эфиопия, Тибет — путешествие от алжирских песков до гималайских ледников. Аэроплан как оружие, кровь как ключ, любовь как якорь в реальности. История о небе, долге и выбое между жизнью и дверью, которую нужно закрыть.

«Анам-кара. Илу-тани. Шем-ахери» — «Я — ключ. Я — дверь. Я закрываю».

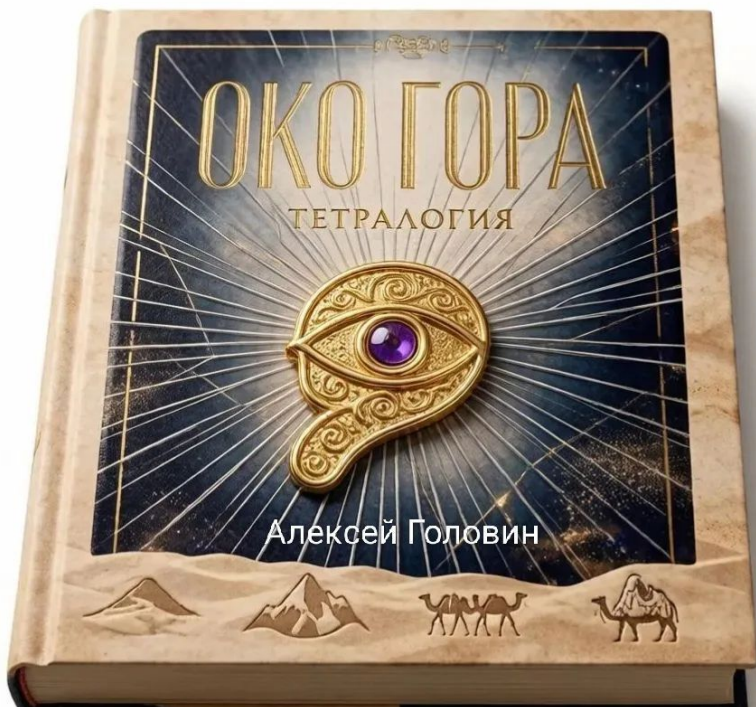
Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

«Око Гора. Хроники хранителя»

Глава

АНРИ ДЮВАЛЬ

Глава 1. Ключ в жестянке из-под чая

Дождь барабанил по крыше ангара с монотонностью метронома. Анри Дюваль

сидел у окна и смотрел, как капли разбиваются о масляные лужи на лётном поле.

От некогда гордого «Фармана» остался только фюзеляж — крылья сняли ещё в

прошлом месяце. Как и его самого списали с неба в прошлом году: врачи

сказали «сердце», командование сказало «спасибо за службу», а жизнь сказала «хватит».

Почту принесли под вечер. Среди счетов за ангар и рекламных листовок лежал

плотный конверт с гербовой печатью. Анри повертел его в руках. Адвокатская

контора «Бартье и сын», Лион. Обратный адрес ничего ему не говорил.

Внутри оказалось короткое письмо и ключ.

«Уважаемый господин Дюваль. Ваш дядя, Жак-Эмиль Моро, скончался...»

Анри нахмурился. Он никогда не слышал ни о каком дяде Жаке-Эмиле. Мать не

упоминала братьев, а отец... отец погиб на Марне в пятнадцатом, когда Анри

было семнадцать.

«...оставил Вам в наследство свой дом и всё имущество...»

Ключ был старый, латунный, с выгравированной на головке лилией — такие

делали ещё в прошлом веке. К письму прилагалась карта.

Анри разложил её на столе. Это была не дорожная карта и не военная.

Пожелтевшая бумага, выцветшие чернила. Где-то в Северной Африке, судя по координатам. От портового города тонкая линия уходила вглубь континента, пересекала горный хребет и обрывалась жирным крестом с подписью: «Oculus Dei» — «Око Бога».

Он усмехнулся. Красивое название. Так обычно подписывают легенды.

Но внизу карты, в уголке, были строки, написанные мелким, явно дрожащим старческим почерком:

«Если ты читаешь это — я уже не вернулся. Не продавай дом. Там ответы, которые я искал тридцать лет. P.S. Ключ — от подвала. Не бойся того, что там найдёшь. Бойся того, что найдёт тебя».

Анри перевернул письмо. В конверте лежала ещё и пачка банкнот — приличная сумма, франков пятьдесят. И билет на пароход до Алжира. Отправление через три дня из Марселя.

Дождь усилился. Где-то вдалеке прогремел гром.

Бывший пилот посмотрел на карту, потом на ключ, потом на свой потрёпанный кожаный чемодан в углу. Ни жены, ни

детей, ни работы, ни неба.

— Ну здравствуй, дядя Жак-Эмиль, — сказал он вслух.
И пошёл собирать вещи.

Глава 2. Соль и пепел

Марсель встретил Анри запахом рыбы, мазута и гниющих водорослей —

запахом, который, казалось, въелся в сам камень портовых стен. Он сошёл с

поезда ранним утром, когда солнце ещё только начинало плавить туман над

бухтой. В руке — чемодан, в кармане пальто — ключ с лилией, в нагрудном

кармане, у самого сердца — карта.

До отплытия оставалось два дня.

Он снял комнату в дешёвом пансионе на улице де ля Републик — узкая койка, жестяной рукомойник, окно, выходящее на глухую стену соседнего дома.

Хозяйка, мадам Трюффо, толстая женщина с усиками над губой, взяла плату

вперёд и предупредила, что по ночам из подвала иногда слышен странный шум.

Анри не ответил. После двух лет жизни на военных аэродромах, где ночами

выли ветра и скрипели растяжки палаток, странным шумом его было не напугать.

Оставшееся до посадки время он провёл, изучая карту.

Она была старая, это он понял сразу — бумага с характерным желтоватым

оттенком, какой бывает у документов, пролежавших полвека в сундуке. Но вот

чернила... Он поднёс карту к окну, поймал утренний свет. Линия, уходящая вглубь континента, была нанесена позже. Она шла от Алжира на юго-восток, пересекала Атласские горы и уходила в пустыню, к точке с названием «Oculus Dei». А вот вторая линия, едва заметная, бледно-коричневая, почти стёртая — она начиналась совсем в другом месте, где-то восточнее. И вела к той же точке.

Два маршрута. Или два человека, которые искали одно и то же.

Анри перевернул карту. На обороте, в самом углу, тем же старческим почерком

было приписано:

«Второй путь — ложный. Я понял это слишком поздно. Не доверяй

проводникам, которые слишком много улыбаются».

Он хмыкнул и спрятал карту в нагрудный карман.

«Ласточка» — так назывался пароход, на котором ему предстояло плыть. Старое корыто водоизмещением тонн в триста, с облупившейся белой краской и трубой, из которой даже сейчас, в порту, лениво сочился чёрный дым. Капитан, сухой как палка человек с выдубленным солнцем ли-

цом, мельком глянул на билет и кивнул на трап.

— Каюта номер четыре. По правому борту. Не советую открывать иллюминатор во время качки.

— Спасибо, — сказал Анри.

— И ещё, — капитан задержал на нём взгляд. — Вы ведь бывший военный?

— Бывший пилот. А что?

— Ничего. Просто пассажиры на этом рейсе... разные. Держите деньги и документы при себе.

Анри кивнул и поднялся на борт.

Палуба была почти пуста. Ветер с моря трепал вымпелы на мачтах, где-то в

трюме перекачивался груз. Пахло солью и угольной гарью. Он нашёл свою каюту

— крошечную, с узкой койкой, привинченным к полу столом и мутным

иллюминатором размером с тарелку. Бросил чемодан в угол, сел на койку и

прислушался.

Сердце. Врачи сказали: «аритмия, никаких перегрузок». А что такое пилот без

перегрузок? Птица с одним крылом.

Он достал из кармана ключ. Латунь, старая гравировка. Ключ от подвала. Какого

подвала? Где? В доме, который он даже не видел. Дом в Лионе, адрес в письме.

Может, стоило сначала съездить туда? Но билет был до Алжира, и дата отправки

— завтра. Дядя Жак-Эмиль явно хотел, чтобы он плыл. И как можно скорее.

В дверь постучали.

Анри сунул ключ в карман, подошёл и открыл.

На пороге стояла девушка. Лет двадцати пяти, светлые волосы убраны под

тёмный платок, серые глаза, простое дорожное платье, которое, однако, сидело

на ней с той небрежной элегантностью, какая выдаёт человека, привыкшего к хорошему покрою.

— Простите за беспокойство, — сказала она. Голос был низкий, с лёгкой

хрипотцой. — Вы не видели человека в коричневом пальто? Высокий, с

портфелем. Он заходил в каюту напротив.

— Не видел. Я только поднялся.

Она кивнула, но не ушла. Вместо этого окинула взглядом его каюту, задержалась на чемодане, на поношенном, но когда-то дорогом пальто, на лице, которое даже сейчас, в тридцать два, хранило следы былой мальчишеской открытости — хотя уже тронутое морщинами у глаз и складкой у губ, которая появляется, когда человек слишком часто молчит.

— Вы в Алжир? — спросила она.

— Да.

— По делу?

Анри помедлил.— По наследству.

— Вот как, — она чуть улыбнулась, но улыбка не затронула глаз. — Я тоже. Что

ж, попутчики — это почти родственники. По крайней мере, на ближайшие два

дня. Меня зовут Элен.

— Анри.

Она коротко кивнула и ушла в каюту напротив. Дверь закрылась. Анри

услышал, как щёлкнул замок.

Странная девушка, подумал он. И этот человек в коричневом пальто... Он

выглянул в коридор. Пусто. Только масляная лампа качается в такт волнам.

Ночью «Ласточка» вышла из порта.

Анри стоял на корме и смотрел, как огни Марсея тают в тумане. Солёный ветер

бил в лицо, заставляя щуриться. Где-то внизу, в машинном отделении, мерно

стучал двигатель — этот звук он помнил с войны. Только там стучали

авиационные моторы, а здесь — судовая паровая машина. Ритм тот же. Сердце

железа и пара.

Он думал о карте. О дяде, которого не знал. О «не доверяй проводникам, которые слишком много улыбаются». О том, что сказал капитан: «пассажиры разные». И об Элен, которая искала человека в коричневом пальто. Сзади слышались шаги. Он обернулся.

По палубе, прихрамывая, шёл пожилой араб в длинном бурнусе. В руке — чётки, которые он перебирал сухими, тёмными пальцами.

— Холодно для южного человека, — сказал он по-французски с едва заметным акцентом.

— Я привык, — ответил Анри. — В небе всегда холодно. Старик остановился рядом, тоже посмотрел на море.

— Вы летали? На войне?

— Да.

— Страшно?

Анри задумался. Ему редко задавали этот вопрос. Чаше спрашивали: «сколько сбили?» или «правда ли, что немцы лучше летают?».

— Страшно не в небе, — сказал он наконец. — Страшно, когда возвращаться некуда.

Старик кивнул, будто понял больше, чем было сказано. Помолчал. Потом вдруг спросил:

— Вы ведь не в Алжир едете, верно? Алжир — только начало.

Анри повернулся к нему.

— Почему вы так решили?

— У вас глаза человека, который ищет. Алжир — город торговцев и

чиновников. Там нечего искать, кроме денег. А деньги не дают такого взгляда,

— старик улыбнулся, и Анри заметил, что улыбка у него широкая, белозубая.

Слишком широкая. — Будьте осторожны, господин пилот. За морем начинается

земля, где смотрят иначе. И не все, кого вы встретите, — те, кем кажутся.

Он повернулся и ушёл, постукивая чётками, прежде чем Анри успел спросить его имя.

Ветер усилился. «Ласточка» легла на курс к Африке.

Анри постоял ещё немного, чувствуя, как в груди, в том самом месте, где врачи слушали его сбивчивое сердце, что-то оживает. Не надежда. Скорее — предчувствие. Смутное, как старая карта, но достаточно сильное, чтобы он знал: он плывёт не к наследству. Он плывёт к чему-то, что дядя Жак-Эмиль искал тридцать лет. И что нашло его самого.

Глава 3. Белый город, чёрные тени

Алжир возник из утренней дымки внезапно — сначала

ла просто белое пятно на горизонте, потом россыпь кубиков-домов, карабкающихся по склону холма, потом портовые краны, мачты, купола мечетей и острые иглы католических соборов.

Анри стоял на палубе, вцепившись в поручень. После двух дней качки земля казалась чем-то нереальным. В горле першило от соли и угольной пыли. Глаза, уставшие от бесконечной синевы, жадно впитывали белизну города.

— Никогда не видели Алжира?

Рядом возникла Элен. Сегодня она была без платка, и ветер трепал её светлые

волосы, выбивая пряди из небрежного пучка. На плече висела небольшая

дорожная сумка. Та самая, с которой она поднималась на борт.

— Никогда, — признался Анри. — Я вообще дальше Марсея не бывал. Если не считать войны, но там... другое.

— Война везде другое, — сказала она тихо. И, помолчав, добавила: — Я

родилась здесь. Вернее, не здесь — в Константине, восточнее. Но Алжир знаю.

Если вам нужен совет, где остановиться или где найти проводника, — спрашивайте.

Анри хотел ответить, но в этот момент пароход дал гудок — долгий, низкий, вибрирующий где-то в животе. «Ласточ-

ка» подходила к причалу.

— Почему вы ищете человека в коричневом пальто? — спросил он вдруг.

Элен посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом — так смотрят на карту, размышляя, можно ли по ней идти.

— Потому что он украл у меня то, что принадлежало моему отцу, — сказала она наконец. — И я хочу вернуть это обратно.

Она развернулась и пошла к трапу, не дожидаясь ответа.

Порт встретил Анри какофонией звуков и запахов. Грузчики в выцветших

рубахах таскали тюки с хлопком, лоточники орали на смеси французского и

арабского, предлагая финики, лепёшки, амулеты от сглаза и живых кур. Пахло

специями, горячим маслом, немытыми телами и морем — но морем другим, не

средиземноморским. Более солёным, что ли. Более древним.

Он сошёл по трапу, чувствуя, как под ногами качается невидимая палуба — тело

ещё помнило море. Чемодан оттягивал руку. Во внутреннем кармане лежали

карта, ключ и оставшиеся деньги — около сорока франков. Внешний карман он

предусмотрительно оставил пустым, памятью слова капитана о «разных пассажирах».

На причале его окликнули.

— Господин Дюваль!

Мужчина лет сорока пяти, одетый в европейский костюм, но с феской на голове — типичный чиновник колониальной администрации. Круглое лицо, аккуратные усики, в руке — планшетка с бумагами.

— Я — Мишель Бенар, поверенный вашего покойного дяди. Мэтр Бартье

телеграфировал из Лиона, что вы прибудете. Прошу прощения, что не встретил

прямо к трапу — задержали в портовой конторе, проклятая бюрократия...

Он говорил быстро, слегка задыхаясь, вытирая лоб платком. Анри отметил, что

платок был дорогой, с вышитыми инициалами — явно не из местных.

— Пойдёмте, пойдёмте. Я взял на себя смелость заказать вам номер в «Отель

д'Орьян» — это в верхнем городе, недалеко от дома вашего дяди. Идти пешком

минут двадцать, но я нанял экипаж. Сюда, сюда.

Он почти потащил Анри за собой, не переставая говорить. Бенар рассказывал о

погоде, о трудностях навигации, о ценах на хлопок, о том, как тяжело работать в

колониях — и в этом потоке слов было что-то неестественное, будто он боялся

паузы. Боялся вопроса, который Анри ещё не задал.

Экипаж ждал у выхода из порта. Старая коляска с потёртыми сиденьями и

кучером-арабом, который даже не обернулся, когда они сели.

— В «Отель д'Орьян», Мустафа, — бросил Бенар и тут же задёрнул шторку на

окне. — От пыли, — пояснил он, заметив взгляд Анри.

Они покатали вверх по узким улочкам. Анри всё же отодвинул шторку и смотрел, как мимо проплывает город — белые стены, увитые бугенвиллей, тёмные провалы дверей, женщины с закрытыми лицами, мальчишки, бегущие за экипажем с криками «месье, месье, дайте су!». Солнце, ещё не достигшее зенита, заливало всё резким, почти осязаемым светом. Светом, который не просто освещал — он проникал под кожу, в кости, выжигал тени. — Что именно произошло с моим дядей? — спросил Анри, не отрываясь от окна.

Бенар кашлянул.

— Понимаете... это деликатный вопрос. Мэтр Бартье велел мне передать вам документы лично в руки. Но не здесь. В отеле. За завтраком. Или, может быть, за ужином. Вы ведь проголодались с дороги?

— Я хочу увидеть дом.

— Дом? — Бенар нервно дёрнул усик. — Да, конечно. Конечно. Но сначала

отдохните. Дом... дом в порядке. Почти в порядке. Там... прислуга. Старый садовник. Он присматривает.

Анри повернулся к поверенному и посмотрел на него в упор.

— Месье Бенар, мой дядя писал о подвале. О том, что ключ — от подвала. И

чтобы я не боялся того, что там найду. Что вы об этом знаете?

Бенар побледнел. Заметно побледнел — даже в полумраке экипажа это было видно.

— Я... я ничего не знаю о подвале. Честное слово. Жак-Эмиль был...

эксцентричным человеком. Очень эксцентричным. Он редко выходил из дома

последние годы. Говорил, что работает над «великим открытием». Но что

именно — никому не рассказывал. Даже мне. А я, простите, был его ближайшим помощником в деловых вопросах.

— И что же случилось? Как он умер?

Экипаж остановился. Бенар с явным облегчением толкнул

дверцу.

— Приехали! «Отель д'Орьян». Лучший вид на бухту, уверяю вас. Оставьте

вещи, примите ванну, а вечером я зайду — и мы всё обсудим. Всё, что знаю.

Честное слово.

Он почти выпрыгнул из коляски, даже не дожидаясь, пока кучер откроет дверцу.

Анри вышел следом, вдохнул горячий воздух и огляделся.

Отель был небольшим, но явно дорогим — с мозаичным полом в холле, с

пальмами в кадках, с медленно вращающимся потолочным вентилятором.

Портье, молодой араб с блестящими от помады волосами, улыбнулся слишком

широко и протянул ключ от номера.

— Номер семь, месье. Второй этаж. Окна во внутренний двор. Багаж доставят.

В номере пахло лавандой и старой мебелью. Широкая кровать под белым пологом, плетёное кресло, стол с графинем воды. Анри поставил чемодан, подошёл к окну и выглянул во внутренний двор — колодец из белых стен, внизу крошечный фонтан, пальма, пятно тени.

Он закрыл глаза и прислушался. Сердце билось ровно. Почти ровно. В голове

крутились обрывки — «великое открытие», «не бойся»,

«не доверяй», «человек в коричневом пальто». Слишком много загадок для одного дня.

Он открыл чемодан, достал карту и снова разложил на столе. «Oculus Dei». Око

Бога. Точка, к которой вели два пути — истинный и ложный. И где-то между

ними лежало то, что искал его дядя тридцать лет.

В дверь постучали. Негромко, но настойчиво.

Анри сунул карту под подушку и подошёл к двери.

— Кто там?

— Посыльный от месье Бенара. Он просил передать вам кое-что.

Анри открыл. В коридоре стоял мальчишка лет двенадцати, босой, в грязной

рубаше до колен. Протянул сложенный листок бумаги.

— Месье Бенар просил передать, что зайдёт не вечером, а завтра утром. У него срочные дела.

Анри взял записку, дал мальчишке монету и закрыл дверь. Развернул бумагу.

Там было написано всего три слова:

«Не верьте Бенару».

Почерк был женский.

Глава 4. Чужие окна

Записка жгла пальцы.

Анри перечитал три слова трижды, потом поднёс бумагу к свету — водяных

знаков нет, обычная почтовая бумага, такие продают в любой портовой лавке.

Почерк женский, ровный, без наклона. Буквы чёткие, спокойные. Так пишет

человек, который не боится и не спешит.

Элен? Больше некому. Но откуда она знает Бенара? И почему решила предупредить?

Он сунул записку в карман, подошёл к окну и отдёрнул штору. Солнце уже цеплялось за белые крыши верхнего города, длинные тени ползли по мостовой, воздух из раскалённого становился просто горячим. Где-то запел муэдзин — протяжно, гортанно, и этот звук, непривычный европейскому уху, наполнил комнату чем-то древним и тревожным.

Нужно было действовать. Ждать до завтра, когда Бенар соизволит явиться, Анри не собирался.

Он умылся ледяной водой из графина, переоделся в свежую рубашку, проверил, на месте ли ключ, и вышел из номера. Портье всё так же улыбался — слишком широко, слишком белозубо.

— Месье желает поужинать? Ресторан отеля открыт до полуночи, у нас прекрасный кускус и...

— Где дом месье Моро? Жака-Эмиля Моро.

Улыбка портье дрогнула на долю секунды — Анри заметил, привычка пилота

подмечать детали не исчезла.

— Месье Моро? — переспросил портье. — Простите, я не знаю такого имени.

— Знаете. Вы дёрнули левым глазом, когда я его произнёс.

Портье перестал улыбаться. Посмотрел на Анри — уже по-другому, оценивающе, как смотрят на противника перед схваткой.

— Улица Жасминов, семнадцать, — сказал он тихо. — Верхний город, за собором. Но я бы не советовал...

— Спасибо.

Анри вышел, не дослушав. За спиной звякнул колокольчик двери.

Улица Жасминов оказалась крутой и узкой — лестница, а не улица. Белые стены

домов сжимались с обеих сторон, ступени, стёртые тысячами ног, уводили

вверх, туда, где на фоне темнеющего неба высился силуэт католического собора

— чужеродный, но уже прижившийся, как и многое в этой колониальной земле.

Пахло жасмином — густо, приторно, почти до головокружения. Где-то журчала

вода в невидимом фонтане. Женщина в тёмном платке
прошла мимо, опутив
глаза, скрылась в проёме двери, даже не скрипнувшей.
Дом номер семнадцать стоял в конце улицы — приземи-
стый, двухэтажный, с
плоской крышей и глухими окнами, закрытыми деревян-
ными ставнями. Сад
перед домом давно не знал садовника: бугенвиллея раз-
рослась так, что почти
скрыла входную дверь, трава пробивалась между плитами
дорожки, пальма у
ворот накренилась, будто устала стоять.
Анри толкнул калитку. Она поддалась с ржавым стоном.
Во дворе было тихо — той особенной, густой тишиной,
какая бывает в
заброшенных местах. Он прошёл по дорожке к двери,
поднялся на крыльцо.
Дверь была заперта. Большой, старый замок — не под
ключ с лилией, другой, грубее. Но рядом, справа от две-
ри, виднелась ещё одна дверь, поменьше, почти незаметная,
вросшая в стену так, будто её специально прятали. Спуск в
подвал.
Анри вынул ключ. Латунь блеснула в сумерках. Рука не
дрожала — он отметил это с удивлением. Сердце билось ров-
но.
Ключ вошёл в скважину мягко, без скрипа. Повернулся

на пол-оборота. Замок щёлкнул, дверь подалась внутрь.

Из темноты пахнуло холодом и сыростью — запахом земли, старого камня и ещё чего-то, едва уловимого, похожего на запах горелого миндаля. Анри помедлил, достал из кармана спичечный коробок, который всегда носил с собой (привычка, оставшаяся с войны, когда нужно было прикуривать в открытой кабине), зажёл спичку и шагнул внутрь.

Ступени уходили вниз, в темноту. Спичка осветила каменные стены, покрытые

каплями влаги, паутину в углах, низкий сводчатый потолок. Он спустился на

десять ступеней, потом на пятнадцать — подвал оказался глубже, чем можно

было ожидать.

Спичка догорела, обожгла пальцы. Он зажёл вторую. Подвал был большим — гораздо больше, чем дом сверху. Целая анфилада помещений, уходящая куда-то под улицу, под соседние дома. Вдоль стен стояли стеллажи с книгами, бумагами, какими-то ящиками. Стол посередине, заваленный картами и свитками. Лампа с потухшим фитилём. И повсюду — карандашные пометки, схемы, рисунки. На стенах, на полу, даже на потолке.

Анри подошёл к столу, поднёс спичку. На верхнем листе бумаги — карта

Сахары, гораздо подробнее той, что лежала у него в кармане. Те же координаты, та же точка «Oculus Dei». Но здесь

был прорисован маршрут — извилистая линия, помеченная датами. Последняя дата — 23 марта 1921 года. Три недели назад.

И ниже, размашистым почерком:

«Они следят. Они знают, что я близко. Сегодня видел человека в коричневом пальто у порта. Он смотрел на мой дом. Я должен уходить. Времени нет. Анри, если ты читаешь это — ключ откроет не только подвал. Он откроет Глаз. Найди меня. Или найди то, что я искал. Это важнее, чем я».

Спичка погасла. Анри остался в полной темноте, с бешено колотящимся сердцем

и холодом, который вдруг пробрал до костей — потому что дядя знал его имя.

Знал, что он приедет.

Сзади скрипнула дверь.

Он резко обернулся, хватаясь за карман, где не было оружия. На фоне серого

прямоугольника входа стоял силуэт — высокий, в пальто, плечи широкие.

— Не бойтесь, господин Дюваль, — голос был низкий, хриловатый, с лёгким

восточным акцентом. — Я друг. Точнее, я был другом вашего дяди. Меня зовут

Тарек. И вам лучше выйти оттуда, пока нас обоих не убили.

Анри сунул записку дяди в карман — туда же, где лежала

записка от Элен, и

медленно поднялся по ступеням. Наверху, в сумерках умирающего дня, стоял

человек с обветренным лицом бедуина, в европейском костюме, но с

традиционным кинжалом за поясом. Глаза — чёрные, глубокие, бездонные.

— За нами следят, — сказал Тарек. — Идите за мной. Только быстро. И не оглядывайтесь.

Где-то вдалеке, на соседней улице, слышались шаги — тяжёлые, размеренные.

Шаги человека, который не спешит, потому что знает, что добыча не уйдёт.

Глава 5. Имя пустыни

Тарек двигался быстро и бесшумно — удивительно бесшумно для человека его

комплексии. Он скользил по узким улочкам верхнего города, нырял в

проходные дворы, поднимался по лестницам, сбегал вниз, и Анри едва поспевал

за ним, чувствуя, как влажная от пота рубашка прилипает к спине. Вечерний

Алжир жил своей жизнью: где-то смеялись, где-то играла музыка, пахло

жареным мясом и кальянным дымом, — но Тарек уводил его прочь от людей, в лабиринт тишины и теней.

Они остановились только через полчаса, в крошечном внутреннем дворике, куда

выходили глухие стены трёх домов. Посередине журчал фонтанчик, над ним

нависал старый инжир, а небо, уже совсем тёмное, протыкали первые звёзды —

крупные, яркие, незнакомые европейскому глазу.

— Здесь можно говорить, — сказал Тарек, опускаясь на каменную скамью у

фонтана. — Это дом моей сестры. Она глухая. И глухонемая. А её муж —

ночной сторож в порту. Никто не услышит.

Анри сел напротив, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось, но не сбивалось —

спасибо врачам, всё-таки что-то они сделали правильно.

— Кто вы? — спросил он. — И кто за нами следит?

Тарек помолчал, глядя на воду в фонтане. Потом достал из-за пояса кинжал, положил на скамью рядом с собой — не угрожая, а, скорее, как старую привычную вещь, которой место всегда под рукой.

— Я был проводником вашего дяди. Три экспедиции. Первая — двенадцать лет назад, последняя — три недели назад. Он спас мне жизнь, когда я был мальчишкой, а он —

молодым офицером. Это долгая история, господин Дюваль, и я расскажу её, если захотите. Но сейчас важнее другое: ваш дядя жив.

Анри замер.

— Как — жив? Мэтр Бартье написал...

— Мэтр Бартье написал то, что ему велели написать, — перебил Тарек. — Жак-Эмиль инсценировал свою смерть, чтобы выиграть время. Но времени почти не осталось. Люди, которые следят за его домом, — они не поверили. Они ищут его. И они знают, что вы приехали.

— Кто — они?

Тарек поднял голову и посмотрел Анри прямо в глаза.

— Вы слышали про «Братство Песочных Часов»?

Анри покачал головой. Название звучало как дешёвый роман в мягкой обложке.

— И неудивительно, — усмехнулся Тарек. — Они не афишируют себя. Но они существуют. Очень старые люди, очень богатые. Французы, англичане, немцы, турки — неважно. Они верят, что в сердце Сахары спрятано знание, которое даст власть над временем. Не в переносном смысле, господин Дюваль. В прямом. И ваш дядя нашёл то, что они искали веками.

— Око Бога, — прошептал Анри.

— Да. Только это не легенда. Это место. И у него есть хранители.

Тарек взял кинжал, провёл лезвием по камню скамьи —

сухой звук, похожий на
шипение змеи.

— Три недели назад мы вернулись из экспедиции. Жак-Эмиль был сам не свой.

Он сказал, что больше не может рисковать моей жизнью и что дальше пойдёт

один. Дал мне денег, попросил присматривать за домом и исчез. Через неделю

поползли слухи, что он умер в пустыне. А потом пришли люди в европейских

костюмах и с местными наёмниками. Они перевернули дом вверх дном, но не

нашли того, что искали. Потому что главное он унёс с собой.

— Что — главное?

— Не знаю. Он никогда не показывал мне всего. Говорил: «Тарек, чем меньше

ты знаешь, тем дольше живёшь». Но я знаю, куда он пошёл. И знаю, что ему

нужен пилот.

Анри моргнул.

— Пилот?

— Там, куда он направляется, нет дорог. Только песок, скалы и ветер. Но с

воздуха... С воздуха можно увидеть то, что не видно с земли. Он говорил о вас.

Говорил: «У меня есть племянник, он летал на войне. Если я не вернусь, он

найдёт меня». Он верил, что вы приедете. И вы приехали.

В тишине дворика журчала вода. Анри смотрел на свои руки — руки пилота, которые уже год не касались штурвала. Они не дрожали. Они помнили небо.

— Где взять аэроплан? — спросил он.

Тарек улыбнулся впервые за вечер — скупое, уголками губ.
— Я знаю человека.

Вернее, знал. Бывший военный лётчик, как и вы. Списанный по ранению.

Держит авиамастерскую в Блиде, это в полусотне километров отсюда. Машина

старая, «Фарман» или что-то вроде того, но на ходу. Если заплатить — даст.

Деньги у вас есть?

— Немного. Хватит.

— Тогда вылетаем завтра. Чем раньше, тем лучше. Люди в коричневых пальто не ждут.

Анри встал. Тело гудело от усталости, но внутри разгорался огонь — тот самый, который он чувствовал когда-то, сидя в открытой кабине, глядя на убегающую вдаль линию горизонта. Он думал, что этот огонь погас навсегда. Ошибся.

— Где вы остановились? — спросил Тарек.

— «Отель д'Орьян».

— Плохое место. Портье доносит Бенару, а Бенар — людям из Братства. Не

возвращайтесь туда. Вещи я заберу сам, скажите только, в каком номере.

— Номер семь. Чемодан под кроватью. Карта... карта у меня.

Тарек кивнул.

— Тогда идите за мной. Переночуете здесь, у сестры. А на рассвете — в Блиду.

Ночь пахла жасмином, инжиром и тревогой. Анри лежал на жёстком тюфяке в

маленькой комнате без окон, слушал, как за стеной тихо переговариваются

Тарек и его сестра — женщина, которая не слышала ни слова, но всё понимала

без звуков. Он думал о дяде, которого никогда не видел, но который знал его

имя. О карте, которая привела его сюда. О человеке в коричневом пальто, который украл что-то у Элен. Об Элен, которая предупредила его о Бенаре. О Бенаре, который врал. О портье, который доносил. Нити сплетались в узел, и центр этого узла лежал где-то в сердце пустыни, под точкой, отмеченной на карте как «Око Бога».

Он закрыл глаза и увидел небо. Бесконечное, синее, пронзённое солнцем. И

аэроплан, который летит над песками туда, где нет дорог.
Завтра. Завтра он снова поднимется в воздух.

Глава 6. Крылья, помнящие войну

Рассвет застал Анри на ногах. Он почти не спал — забылся тяжёлой дремой под
утро, но едва первый луч солнца просочился сквозь щели
в ставнях, как он уже
был на ногах. Тело ныло после вчерашнего бегства по
лестницам Алжира, во рту
пересохло, но внутри звенела та особая, знакомая по военным годам струна —
смесь тревоги и предвкушения. Так бывало всегда перед вылетом.

Тарек ждал его во дворе. Он успел переодеться в более практичную одежду —

широкие шаровары, сапоги из мягкой кожи, лёгкий бурнус поверх европейской
рубашки. У ног его стоял потёртый кожаный саквояж и чемодан Анри, который
он каким-то чудом забрал из отеля.

— Портье спал, — коротко пояснил Тарек, перехватив взгляд Анри. — Ключ от

номера лежал на стойке. Ваш приятель Бенар, похоже, не ожидал, что кто-то
посмеет войти среди ночи.

— Он мне не приятель, — сказал Анри.

— Вот и хорошо. Потому что он работает на людей, которые убили бы вас не задумываясь.

Они вышли через неприметную калитку в другой конец двора, миновали

несколько проулков и оказались у старого гаража, где их ждал автомобиль —

видавший виды «Рено» с откидным верхом и фарами, похожими на глаза

удивлённой рыбы. За рулём сидел молодой араб с лицом, изрытым оспинами, и

руками, чёрными от машинного масла.

— Это Карим, племянник, — сказал Тарек. — Дове-зёт до Блиды за три часа, если разъезды не подведут.

Карим молча кивнул и завёл мотор. Автомобиль чихнул, кашлянул сизым

дымом и, дребезжа всем корпусом, покатыл по утренним улицам.

Алжир просыпался. Открывались лавки, грузчики таскали корзины с рыбой, муэдзин с минарета выводил утреннюю молитву — и его голос, протяжный и чистый, плыл над белыми крышами, как благословение. Анри смотрел на город, который ещё вчера был чужим, а сегодня уже казался частью его судьбы, и думал о том, что война отучила его удивляться. Но здесь, в Африке, удивление возвращалось — острое, почти детское, от которого щиплет в носу и хочется вдохнуть

поглубже.

Город кончился внезапно — просто оборвался, уступив место холмам, покрытым виноградниками и оливковыми рощами. Дорога пошла в гору.

Воздух стал суше, запахи — резче: тимьян, разогретая солнцем земля, эвкалипт.

Карим вёл машину молча, иногда бросая короткие фразы по-арабски Тареку, который сидел рядом с ним. Анри на заднем сиденье трясся вместе с чемоданом и думал.

Аэроплан. «Фарман» или что-то вроде того, сказал Тарек. Анри летал на

«Фармане» в пятнадцатом, ещё до того, как пересел на «Ньюпор». Тяжёлая

машина, неуклюжая, с толкающим винтом позади кабины. Но надёжная, как

молоток. Если здешний механик держал её в порядке — долетит. А если нет...

что ж, пустыня не хуже любого другого места для последнего полёта.

От этой мысли он усмехнулся, и Тарек, обернувшись, возпросительно поднял

бровь.

— Ничего, — сказал Анри. — Просто вспомнил, как пахнет касторовое масло в

авиамоторе. Оно пахнет... свободой.

Тарек ничего не ответил, но в его чёрных глазах что-то

мелькнуло — понимание, смешанное с уважением.

Блида оказалась маленьким городком, прилепившимся к подножию Атласских гор. Воздух здесь был прохладнее, небо — ближе. Авиа мастерская находилась на окраине, за полосой эвкалиптов, — длинный барак из гофрированного железа, рядом с которым раскинулось поле, служившее взлётной полосой. На поле стоял аэроплан.

Анри вышел из машины и замер.

Это был не «Фарман». Это был «Бреге-14» — двухместный бомбардировщик-разведчик, лучшая французская машина войны. Чуть облупившаяся краска на фюзеляже, заплатка на нижнем крыле, пропеллер с зазубриной на одной лопасти, но в остальном — целый, живой, готовый лететь. Он стоял на своих длинных ногах-шасси, как большая стрекоза, присевшая отдохнуть, и солнце играло на полотняной обшивке.

— Боже мой, — выдохнул Анри. — Где вы это взяли?

Из барака вышел человек — приземистый, кряжистый, с седой щетиной на

квадратной челюсти и левой рукой, которая заканчивалась культей чуть ниже

локтя. Он щурился на солнце и жевал потухшую трубку. — Сам ты «где взял», —

проворчал он. — Собрал. Из трёх разбитых. Мотор «Рено», триста лошадей.

Крылья перетянуты в прошлом году. Приборы врут, но терпимо. Звать Пьер.

Бывший сержант эскадрильи «Бреге», пока меня не подбили под Верденом.

Он поднял культю, как бы объясняя.

— Анри Дюваль, — представился пилот. — Бывший лейтенант. «Ньюпоры», потом «Спады».

— Знаю, — кивнул Пьер. — Мне Тарек про тебя рассказывал. Искать, говорит, пилота. Ну вот ты и нашёлся. Машину дам. Но учти: горючего — на четыре часа полёта, максимум пять. Дальше — как повезёт.

— Мне хватит, — сказал Анри, хотя понятия не имел, хватит ли.

Он обошёл аэроплан кругом, касаясь рукой полотна, стоек, расчалок. Пальцы

вспоминали то, что, казалось, забыли навсегда. Машина была готова — Пьер

знал своё дело. Только пропеллер... зазубрина на лопасти создаст вибрацию, но

не смертельную, просто неприятную.

— Пропеллер надо бы сменить, — сказал он.

— Надо бы, — согласился Пьер. — Но другого нет. А этот ещё послужит. Я на

нём два месяца назад до Орана и обратно летал, ничего, не развалился.

Тарек подошёл ближе. В руках он держал карту — ту са-

мую, что Анри нашёл в

подвале, плюс ещё одну, современную, купленную, видимо, здесь же, в Блиде.

— Маршрут, — сказал он, расстилая карты на нижнем крыле. — Смотрите. Мы

летим на юго-восток, вдоль хребта. Ориентир — перевал Тазенак. За ним

начинается плато Тадемаит. Там нет ничего, кроме песка и камня. Где-то там, —

он ткнул пальцем в пустое место на карте, — последний лагерь вашего дяди.

— Откуда вы знаете?

— Я был там с ним три недели назад. Он оставил метку — пирамиду из камней, условный знак. Если он ушёл дальше, то должен был оставить ещё одну метку.

И ещё одну. Он говорил, что оставит след для вас. На случай, если не вернётся.

— Или на случай, если вернусь я, — тихо сказал Анри.

Ветер донёс запах полыни с гор. Солнце поднималось всё выше, тени

становились короче. Пьер проверил уровень масла в моторе, залил горючее, подкрутил какие-то гайки. Тарек укладывал в заднюю кабину саквояж с водой, сухарями и компасом. Анри стоял, глядя на горизонт, где небо встречалось с горами, а горы — с пустыней, которая начиналась сразу за ними.

— Знаете, — сказал он вдруг, — я год не летал. Врачи запретили. Сердце.

Тарек выпрямился.

— И что? Сейчас болит?

Анри прислушался к себе. Сердце билось. Сильно, ровно, как хорошо

отлаженный мотор. Как будто оно ждало именно этого — момента, когда он

снова сядет в кабину, возьмётся за штурвал и почувствует под собой не землю, а

воздух.

— Нет, — ответил он. — Не болит.

— Тогда летим.

Пьер помог запустить мотор. Пропеллер дёрнулся, чихнул, замер. Потом ещё раз— и вдруг ожил, завертелся, превратился в прозрачный диск, из которого бил тугой поток воздуха, пригибая траву за хвостом. Звук был оглушительный, прекрасный, знакомый до последней ноты. Анри надел очки, кожаный шлем, забрался в переднюю кабину. Позади, в кабине стрелка-наблюдателя, устроился

Тарек, закутавшись в бурнус так, что виднелись одни глаза.

Анри поднял руку. Пьер махнул в ответ и отбежал в сторону.

Машина тронулась, запрыгала на неровностях поля, набирая скорость. Ветер

ударил в лицо — тот самый ветер, который он помнил, который снился ему по

ночам, который он думал, что больше никогда не почувствует. Хвост оторвался

от земли. Потом колёса перестали чувствовать траву. И вдруг — тишина.

Не настоящая тишина — мотор ревел по-прежнему, — но та особая тишина, которая наступает, когда земля уходит вниз и перестаёт держать тебя. Аэроплан набрал высоту, заложил пологий вираж, и Блида превратилась в спичечный коробок, а горы — в складки на коричневом покрывале земли.

Анри улыбнулся — широко, открыто, как не улыбался уже много лет.

Он летел.

Впереди лежала пустыня.

Глава 7. Земля, которая не прощает

Первые полчаса полёта прошли в молчании.

Анри вёл машину на высоте тысячи метров — достаточно низко, чтобы

различать детали рельефа, и достаточно высоко, чтобы не цеплять восходящие

потoki от нагретых солнцем скал. «Бреге» слушался руля с лёгкой ленцой, как

старый конь, который знает дорогу лучше всадника. Мотор гудел ровно, без

перебоев, и Анри мысленно поблагодарил Пьера — руки у однорукого механика росли откуда надо.

Под крылом проплывали Атласские горы — древние, выветренные, с голыми

вершинами, на которых снег лежал только в самых глубоких расщелинах. Дорог

внизу не было. Вообще ничего не было — ни домов, ни дыма, ни стад. Только

камень, колючий кустарник и изредка — серебристая нить ручья, который тут же

исчезал в песке, будто его и не существовало.

Тарек сидел позади, в кабине наблюдателя, и время от времени хлопал Анри по

плечу, указывая направление. Связного переговорного устройства в этой

машине не было, а перекрикивать рёв мотора — бесполезно. Поэтому общались

жестами: левее, правее, выше, смотри вниз.

Анри смотрел. И чем дальше они улетали от побережья, тем сильнее менялась

земля. Горы становились ниже, рассыпались на холмы, холмы — на каменистые

россыпи, и наконец под крылом потянулась пустыня. Настоящая пустыня — не та, что рисуют на картинках, с аккуратными барханами и караванами верблюдов, а бескрайнее,

мёртвое пространство, где ветер вылизывает скалы до кости, а тени настолько чёрные, что кажутся дырами в реальности.

Солнце поднялось в зенит и било теперь прямо в темечко. В кабине пахло

бензином, горячим маслом и пылью. Анри чувствовал, как пот катится по

вискам, собирается в складках шлема, щиплет глаза. Он облизнул пересохшие

губы и подумал о воде. Во фляге, притороченной к борту, плескалось около

литра. Ещё пара литров — в саквояже у Тарека. Этого хватит на день, может, на

два, если экономить. А потом — либо они найдут дядю, его лагерь, источник

воды, либо...

Либо пустыня получит ещё две жизни. Она умеет ждать.

Тарек снова хлопнул его по плечу — на этот раз настойчивее. Указал вниз и

вправо. Анри прищурился, поправил очки и посмотрел.

Внизу, на плоской вершине невысокого скального останца, возвышалась

пирамидка из камней. Слишком правильная, чтобы быть природной. Метка.

Анри заложил вираж, снижаясь. На высоте двухсот метров он разглядел детали: четыре крупных камня в основании, три сверху, один на вершине. И что-то белое, зажатое

между камнями. Бумага или ткань.

— Садимся! — крикнул он через плечо, и Тарек кивнул.

Посадка в пустыне — это всегда риск. Ровных мест мало, песок может скрывать

камни, способные перевернуть машину. Анри выбрал участок такыра —

твёрдой, как бетон, глинистой равнины — и аккуратно, почти нежно, притёр

«Бреге» к земле. Колёса коснулись поверхности, подпрыгнули раз, другой, и

машина покатилась, поднимая хвост рыжей пыли.

Тишина наступила внезапно, когда мотор заглох. В ушах ещё звенело, но

настоящие звуки уже пробивались: свист ветра, шорох песка, потрескивание

остывающего металла. Анри стащил шлем, вытер лицо и прыгнул на землю.

Ноги подогнулись — после вибрации мотора тело ещё не верило в твёрдую опору.

— Первая метка, — сказал Тарек, уже стоя у каменной пирамиды. — Он жив.

Или был жив, когда ставил её.

Анри подошёл ближе. Белое пятно между камнями оказалось сложенным листом

бумаги, придавленным плоским голышом. Он осторожно

вытащил его, развернул.

Почерк дяди. Теперь он узнавал его — размашистый, с длинными хвостами

букв, чуть дрожащий, но всё ещё твёрдый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.